

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-759-763

Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

МАГОМЕДОВ Темирлан Магомед-Саидович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Юридического института Дагестанского
государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

АЛИЕВА Зарема Рамазановна,
Магистрант 2 курса Юридического института
Дагестанского государственного университета,
e-mail: mail@law-books.ru

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Аннотация. Статья анализирует понятие преступления в российском уголовном праве как исходную категорию, определяющую пределы допустимого уголовно-правового вмешательства. Показано, что формально-материальная модель ст. 14 УК РФ соединяет общественную опасность, противоправность и наказуемость с принципом виновности, но оценочность общественной опасности порождает риски произвола и формального подхода. Отдельно раскрывается проблема сближения уголовной и административной ответственности, из-за которого граница между преступлением и административным правонарушением может восприниматься как чисто формальная. Центральная проблема — малозначительность (ч. 2 ст. 14 УК РФ), которая корректирует формальное соответствие составу и одновременно выявляет противоречие с тезисом о составе как основании ответственности (ст. 8 УК РФ). В качестве направления решения предлагаются доктринальная конкретизация критериев общественной опасности, унификация правоприменения и точечные законодательные уточнения для повышения предсказуемости и соразмерности уголовной реакции.

Ключевые слова: понятие преступления, ст. 14 УК РФ, формально-материальная конструкция, общественная опасность, уголовная противоправность, наказуемость, виновность, криминализация и декриминализация, квалификация, состав преступления, ст. 8 УК РФ, малозначительность, оценочные понятия, административное правонарушение, КоАП РФ, разграничение преступления и проступка.

MAGOMEDOV Temirlan Magomed-Saidovich,
PhD in Law, Associate Professor Department
of Criminal Law and Criminology Law Institute,
Dagestan State University

ALIEVA Zarema Ramazanovna,
Second-Year Master's Student Law Institute,
Dagestan State University

DOCTRINAL PROBLEMS IN DEFINING THE CONCEPT OF CRIME IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Annotation. The article analyzes the concept of crime in Russian criminal law as a foundational category that sets the limits of permissible state coercion. It explains the formal–material definition in Article 14 of the Criminal Code, which combines social danger with legality (criminal unlawfulness and punishability) and the principle of guilt, while noting that the evaluative nature of “social danger” creates risks of arbitrariness and overly formal reasoning. The article highlights increasing conver-

gence between criminal and administrative liability, which can blur the boundary between crimes and administrative offenses and undermine predictability. A central issue is the doctrine of insignificance (Article 14(2)), which corrects purely formal qualification but also exposes a tension with Article 8, where liability is grounded in the corpus delicti (the statutory elements of an offense). The proposed approach is to develop verifiable criteria for assessing social danger, unify practice, and introduce targeted legislative clarifications to enhance proportionality and legal certainty.

Key words: *concept of crime, Article 14 Criminal Code of the Russian Federation, formal–material definition, social danger, criminal unlawfulness, punishability, guilt, criminalization and decriminalization, legal qualification, corpus delicti, Article 8 Criminal Code, insignificance, evaluative legal concepts, administrative offense, Code of Administrative Offenses, crime–administrative delict boundary.*

Понятие преступления в уголовном праве выполняет роль исходной категории, через которую определяется сама граница допустимого уголовно-правового вмешательства в сферу прав и свобод личности. Его значение не исчерпывается учебной дефиницией: легальное определение преступления выступает «метанормой», влияющей на качество криминализации и декриминализации, на предсказуемость квалификации, на единообразие практики и, шире, на доверие к уголовной юстиции как к системе, применяющей наиболее строгие формы государственного принуждения. Российское уголовное законодательство закрепляет формально-материальную конструкцию преступления: преступлением признаётся виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое уголовным законом под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ) [1].

Уже сама структура формулы показывает двойственную природу понятия: оно соединяет материальный критерий криминальной вредности (общественная опасность) с формальным критерием законности (уголовная противоправность и наказуемость), дополняя их принципом личной ответственности (виновность) [8]. Такая модель предназначена для достижения одновременно двух целей: обеспечить материальную справедливость (уголовная репрессия применяется лишь к деяниям криминального уровня вредности) и формальную определённость (преступлением является только то, что прямо запрещено УК, без аналогии).

Проблемная часть понятия преступления начинается с общественной опасности как материального ядра уголовно-правовой реакции. Общественная опасность традиционно понимается как причинение вреда либо создание реальной угрозы причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям [7]. Однако определение общественной опасности неизбежно сталкивается с оценочностью: невозможно свести её к одному параметру, универсальному для всех составов. В доктрине подчёркивается, что общественная опасность «объясняет»,

почему деяние криминализовано, и удерживает уголовное право в границах справедливости, но именно оценочность делает этот признак уязвимым для правоприменительного произвола или для подмены материального анализа формальным выводом о наличии состава [8].

Дополнительное давление на категорию общественной опасности оказывает сближение уголовного и административного деликтного регулирования. КоАП РФ определяет административное правонарушение как противоправное виновное действие (бездействие), за которое установлена административная ответственность, не включая в дефиницию признак общественной опасности (ст. 2.1 КоАП РФ) [2]. На этом основании в доктрине возникает устойчивый спор: следует ли считать общественную опасность качественным отличием преступления, или же административным правонарушениям присуща общественная опасность, но меньшей интенсивности (иногда формулируемая как «общественная вредность») [9]. Проблема перестаёт быть терминологической, когда административные санкции усиливаются, а составы административных правонарушений и преступлений становятся «соседними» по фактическому содержанию. Тогда граница между преступным и административно наказуемым поведением начинает восприниматься как чисто формальная — «что законодатель назвал преступлением», — а материальный критерий общественной опасности рискует превратиться в риторическую формулу без самостоятельной роли [8]. В таких условиях возрастает риск размывания деликтной лестницы, когда право теряет ясные ориентиры соразмерности реагирования, а гражданин — предсказуемость правовых последствий своего поведения.

Ещё более явно «стык» материального и формального проявляется в соотношении понятия преступления и состава преступления. Статья 8 УК РФ фиксирует основание уголовной ответственности через состав, то есть через наличие в совершённом деянии всех признаков юридической модели конкретного запрета [1]. Однако ч. 2 ст. 14 УК РФ вводит принципиально важную кор-

ректировку: деяние, хотя формально и содержащее признаки состава, не является преступлением, если в силу малозначительности не представляет общественной опасности [1]. В доктрине это воспринимается как «корректор» формально-материальной модели: законодатель признаёт, что формальная подпадание под диспозицию ещё не гарантирует криминального уровня опасности, а значит, уголовная репрессия должна иметь порог [3]. Но именно здесь возникает концептуальная коллизия: как совместить утверждение «основание ответственности — состав» с утверждением «есть признаки состава, но преступления нет». На уровне практики эта несогласованность приводит к двум противоположным ошибкам: либо правоприменитель игнорирует малозначительность и автоматически делает вывод о преступности, ограничиваясь констатацией формального соответствия составу; либо, напротив, малозначительность используется как универсальный способ «снять» уголовную ответственность без достаточной мотивировки и без понятных критериев оценки опасности [4]. Таким образом, малозначительность одновременно демонстрирует ценность материального элемента понятия преступления и выявляет дефицит нормативной и доктринальной конкретизации критериев его применения.

В научной литературе обращается внимание на то, что малозначительность является оценочной категорией и по необходимости не может быть исчерпывающе описана в законе, иначе она перестанет работать как гибкий инструмент справедливости [3]. При этом конституционно-правовой подход допускает оценочные понятия в уголовном праве, но предъявляет к их применению повышенные требования мотивированности, проверяемости и недопустимости произвола [10]. Практически это означает, что ссылка на малозначительность должна быть не декларативной, а основанной на анализе фактических обстоятельств, раскрывающих отсутствие криминального уровня общественной опасности. Диссертационные исследования проблемы малозначительности подчёркивают необходимость устранить неопределённость в её понимании и показать, что малозначительное деяние отличается от отсутствия состава: в первом случае формальные признаки состава наличествуют, но материальный порог опасности не достигнут; во втором случае отсутствует один или несколько необходимых юридических признаков запрета [6]. Утрата этого различия разрушает системность квалификации, ведёт к неправильным основаниям прекращения дел и в итоге снижает доверие к уголовному правосудию.

Самостоятельную дискуссионную нагрузку несёт признак наказуемости. В классическом

понимании наказуемость означает, что уголовный закон запрещает деяние под угрозой наказания, то есть связывает запрет с санкцией и принципиально допускает назначение наказания при доказанности преступления [9]. Но в реальности возможны ситуации, когда преступление совершено, а наказание не назначается по причинам, предусмотренным законом: освобождение от уголовной ответственности или наказания, применение иных мер и т. п. Это порождает вопрос: является ли наказуемость сущностным признаком преступления или она отражает скорее формально-юридическую характеристику запрета как обеспеченного санкцией, даже если санкция затем может не реализоваться в конкретном деле. В современных условиях вопрос приобретает прикладное значение из-за обсуждений «промежуточных» категорий, прежде всего уголовного проступка, который потенциально способен изменить традиционную конфигурацию санкционности и критериев наказуемости для разных уровней деликтности.

Решение выявленных проблем в российских условиях рационально выстраивать как сочетание доктринальной конкретизации, правоприменительной унификации и точечной законодательной корректировки, не разрушающей базовую модель ст. 14 УК РФ. Центральным направлением является разработка верифицируемых критериев общественной опасности, применимых как при оценке необходимости криминализации, так и при решении вопросов о малозначительности. Речь не должна идти об исчерпывающем перечне, который неизбежно окажется неполным и будет порождать обходные практики, но о наборе устойчивых ориентиров, позволяющих мотивировать решения: значимость охраняемого интереса, характер и интенсивность вреда либо угрозы, способ посягательства, степень виновного отношения, распространённость деяния и эффективность иных правовых средств противодействия [5]. Такой подход соответствует и конституционно-правовой логике, согласно которой уголовное вмешательство допустимо лишь при объективно подтверждаемой необходимости и соразмерности [6].

Особое внимание требуется согласованию ст. 8 и ст. 14 УК РФ в части основания уголовной ответственности и роли малозначительности. На уровне доктрины и практики оправдано фиксировать мысль, что малозначительность не означает отсутствия состава, а означает отсутствие преступления при формальном наличии признаков состава и недостижении криминального порога общественной опасности [9]. Для снижения правоприменительных колебаний реалистичным является точечное уточнение законодательной фор-

мулы ч. 2 ст. 14 УК РФ, закрепляющее этот смысл более явно, либо уточнение ст. 8 УК РФ в части оговорки о пределах действия основания ответственности, когда деяние формально содержит признаки состава, но не признаётся преступлением в силу ч. 2 ст. 14 [1]. Такая корректировка не изменяет архитектуру уголовного закона, но уменьшает риск логической «расстыковки», которая сегодня воспроизводится в практике и доктрине.

Разграничение преступления и административного правонарушения в современных условиях также требует управляемой доктринальной и практической линии. Поскольку КоАП РФ не содержит в дефиниции общественной опасности, на практике важно сохранять материальный критерий преступления как порог, а не сводить разграничение только к формальной маркировке законодателя [2]. Расширение административной преюдиции и усиление административных санкций повышают риск «схлопывания» деликтной лестницы, поэтому при конструировании составов с преюдицией необходимо избегать автоматизма, при котором повторность сама по себе подменяет оценку криминального уровня опасности.

Если же идея уголовного проступка будет развиваться, то она должна оцениваться через стандарты законности и соразмерности: новая категория не должна размывать критерии преступления, а должна иметь ясное место в системе и понятный материально-правовой порог, иначе вместо разгрузки системы возникнет дополнительная неопределённость.

Таким образом, теоретико-доктринальные проблемы определения преступления в российском уголовном праве концентрируются вокруг баланса формального и материального начал, оценочности общественной опасности, разграничения преступления и иных деликтов, а также вокруг института малозначительности как инструмента коррекции формального запрета. Решение этих проблем возможно без пересмотра базовой формально-материальной модели ст. 14 УК РФ, но требует согласования норм Общей части, повышения мотивировочного стандарта практики и развития единообразных ориентиров, формируемых высшими судебными инстанциями, при строгом соблюдении конституционных и международных стандартов законности и соразмерности.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63 ФЗ (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал правовой информации.

URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891> (дата обращения: 13.02.2026).

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195 ФЗ (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074277> (дата обращения: 13.02.2026).

[3] Аубакирова Тер Григорян Н. М. Малозначительность деяния: оценочное понятие уголовного закона // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4 (55). С. 261–269.

[4] Казакова В. А. Общественная опасность деяния как критерий классификации правонарушений // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27. № 4. С. 435–441.

[5] Козлов А. П. Понятие преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 817 с.

[6] Корсун Д. Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://agprf.org/userfiles/ufiles/dis_sovet/diss/2019/Korsun/%D0%9A%D0%BE%D1%80%D1%81%D1%83%D0%BD%20%D0%B4%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf (дата обращения: 13.02.2026).

[7] Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1: лекции. СПб., 1902 [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_012164089/ (дата обращения: 13.02.2026).

[8] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой Хегай, А. И. Рапога, А. И. Чучаева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: КОНТРАКТ; ИНФРА М, 2008.

[9] Хилjuta В. В. Преступление и его признаки: проблемы доктринальной оценки // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 3 (124). С. 110–123.

[10] Шарапов Р. Д. Понятие преступления: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации // Криминалист. 2022. № 1 (38). С. 27–34.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63 FZ dated 13.06.1996 (as amended) [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891> (access date: 13.02.2026).

[2] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Federal Law of 30.12.2001 No. 195 FZ (as amended) [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074277> (access date: 13.02.2026).

[3] Aubakirova Ter Grigoryan N. M. The insignificance of the act: the evaluative concept of the criminal law // Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. 2023. № 4 (55). PP. 261-269.

[4] Kazakova V. A. Public danger of an act as a criterion for the classification of offenses // Man: crime and punishment. 2019. VOL. 27. № 4. S. 435-441.

[5] Kozlov A.P. The concept of crime. St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. 817 pp.

[6] Korsun D. Yu. Insignificant act in the criminal law of Russia: dis.... cand. jurid. sciences. M., 2019 [Electronic resource]. URL: https://agprf.org/userfiles/ufiles/dis_sovet/diss/2019/Kor-

[sun/%D0%9A%D0%BE%D1%80%D1%81%D1%83%D0%BD%20%D0%B4%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf](https://agprf.org/userfiles/ufiles/dis_sovet/diss/2019/Korsun/%D0%9A%D0%BE%D1%80%D1%81%D1%83%D0%BD%20%D0%B4%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf) (дата обращения: 13.02.2026).

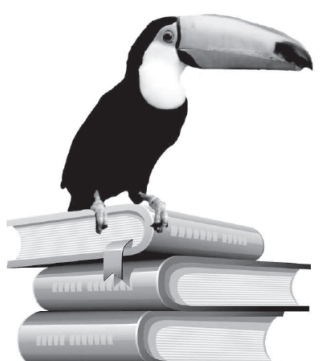
[7] Tagantsev N. S. Russian criminal law. Part general. T. 1: lectures. St. Petersburg, 1902 [Electronic resource]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_012164089/ (access date: 13.02.2026).

[8] Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook/ed. L.V. Inogamova Khagai, A.I. Raroga, A.I. Chuchayev. 2nd ed., Revised and add. M.: CONTRACT; INFRA M, 2008.

[9] Hilyuta V.V. Crime and its signs: problems of doctrinal assessment // Actual problems of Russian law. 2021. T. 16. № 3 (124). S. 110-123.

[10] Sharapov R. D. The concept of crime: legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Criminalist. 2022. № 1 (38). S. 27-34.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru